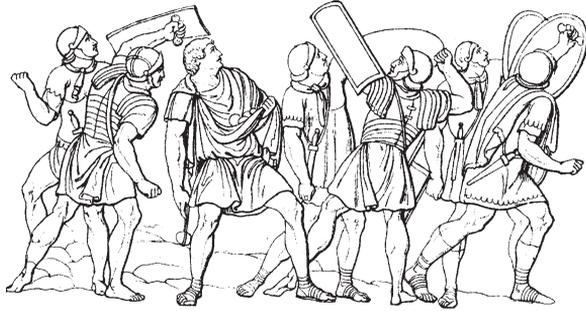

ГЛАВА 1

— Я бы, пожалуй, на того долговязого ставить не стал, — пробормотал центурион Макрон.

— А почему, командир?

— Да ты только глянь на него, Катон. Кожа да кости! Долго ему против того малого не продержаться. — Макрон кивком указал на другую сторону наспех устроенной арены, где коренастому пленнику вручали щит и меч.

Будучи гладиатором поневоле, коренастый британец неохотно принял непривычное оружие и оглядел своего противника. Катон же прищелкнул языком, глядя на рослого, но худощавого бритта, почти обнаженного, если не считать прикрывавшей чресла набедренной повязки. Легионер, исполнявший обязанности распорядителя боев, бросил ему длинный трезубец. Бритт поймал древко на лету, взвесил в руке и перехватил для лучшего баланса, что выдавало в нем сноровистого и знакомого с этим родом оружия человека.

— Ставлю на долговязого, — заявил Катон.

Макрон развернулся:

— Ты что, спятил? На эту тощую жердину? Да ты взглядишь повнимательней!

— Уже поглядел, командир. И готов подкрепить свое решение ставкой.

— Решение?

Центурион поднял брови.

Катон вступил в легион всего-то прошлой зимой, будучи зеленым юнцом, выросшим в Риме, в покоях императорского дворца. А нынче, смотри-ка, уже принимает «решения», как заправский вояка.

— Ну, как знаешь, дело твое.

Макрон покачал головой и устроился поудобнее, ожидая начала схватки, которая завершала игры, устроенные легатом Веспасианом на лесной прогалине посреди походного лагеря Второго легиона. Завтра легиону и сопровождавшим его вспомогательным подразделениям предстояло снова выступить в поход, поскольку полководец Плавт твердо вознамерился захватить Камулодунум до наступления осенней распутицы. Если падет вражеская столица, союз британских племен во главе с Каратаком из катувеллаунов неминуемо распадется.

Для дерзкой высадки на туманные острова, лежащие за проливом северней Галлии, император Клавдий смог выделить всего сорок тысяч человек, и каждый римлянин прекрасно понимал, что бритты значительно превосходят числом силы вторжения. Однако островитяне были разрознены, и римляне резонно полагали, что, ударив в самый центр оплота британского сопротивления и тем самым в зародыше развалив складывающуюся коалицию, они не позволят врагам использовать численное преимущество и, стало быть, обеспечат себе победу. Поэтому легионеры, хотя рвались вперед, утомленные маршем, радовались и короткому отдыху, и возможности развлечься схватками на арене.

Двадцать пленных бриттов разбили на пары и снабдили различными, зачастую непривычными для них видами оружия. Чтобы сделать зрелище еще забавнее, пары формировали по случайному принципу (тянули жребий из легионерского шлема), в результате чего силы некоторых противников

оказывались до смешного неравными. Как раз такой обещала стать и эта, завершающая, схватка.

Носитель орла легиона — аквилифер, выступавший в роли главного распорядителя боев, размашистым шагом вышел в центр площадки и поднял руки, призывая публику к тишине. Его помощники устремились к зрителям, принимая последние ставки, и Катон снова уселся рядом со своим центурионом лишь после того, как поставил на тощего пять к одному. Поставил юноша ни много ни мало как свое месячное жалованье и в случае победы своего бойца мог получить кругленькую сумму. Макрон поставил на мускулистого малого с мечом, однако, взвесив все «за» и «против», решил не зарываться и крупной суммой не рисковать.

— Тихо! Тихо там! — проревел аквилифер, и въевшаяся в плоть и кровь солдат дисциплина тут же дала о себе знать, хотя они и не находились в строю. В считанные мгновения две тысячи только что оравших и жестикулировавших солдат притихли, ожидая начала боя.

— Итак, последний поединок! Справа от меня малый с мечом, крепкий и умелый воин... во всяком случае, по его словам.

Римляне насмешливо заулюлюкали. Если этот бритт такой уж распрекрасный боец, то как его угораздило оказаться здесь, где он вынужден сражаться за свою жизнь, потешая врагов?

Меченосец ухмыльнулся, а потом неожиданно воздел руки и издал пронзительный боевой клич. Зрителям это понравилось, и они разразились одобрительными восклицаниями.

Носитель орла дал им покричать, а потом снова призвал к тишине и возгласил:

— Слева от меня, с трезубцем, бывший оруженосец какого-то варварского вождя. То есть, надо полагать, он *носил* оружие, а не пользовался им. Сдается мне, эта схватка будет забавной и недолгой. Так что позволю себе напомнить вам, разленившиеся бездельники, что после полуденного сигнала отдых заканчивается. Все возвращаются к обычным обязанностям.

По рядам зрителей прокатился стон, но скорее притворный, и распорядитель добродушно улыбнулся:

— А теперь, бойцы, — по местам!

Носитель орла попятился к краю арены-поляны, зеленая травка которой приобрела красноватый оттенок там, где падали участники предыдущих боев. Противников повернули друг к другу лицом. Меченосец поднял клинок, прикрылся щитом и сгорбился, приняв низкую стойку. Верзила с трезубцем, напротив, стоял прямо и оружие свое держал вертикально, чуть ли на него не опираясь. Его худощавое лицо оставалось совершенно бесстрастным. Легионер дал ему пинка, указывая, что следует подготовиться к схватке, но он лишь поморщился и почесал ушибленную голень.

— Надеюсь, ты не поставил на него слишком много, — заметил Макрон.

Катон промолчал. Он сам не понимал, что себе думает этот малый с трезубцем. Вроде бы, приняв оружие, варвар опробовал его с уверенностью и знанием дела, а теперь держал как метлу. Да и вообще он выглядел равнодушным ко всему, словно впереди его ждала нудная муштра, а не смертельная схватка. Лучше бы ему собраться с силами.

— Начинай! — зычно скомандовал носитель орла.

В тот же миг меченосец устремился к находившемуся в пятнадцати шагах перед ним противнику. Тот по его приближении опустил древко трезубца и ткнул им меченосца в горло. Коренастый воин отбил трезубец в сторону и замахнулся, чтобы нанести мечом смертельный удар, но просчитался. Его соперник вместо того, чтобы вернуть оружие в прежнее положение и попытаться, на что ушло бы время, произвести новый выпад, просто с маху всей плоскостью трезубца ударил меченосца по голове. Тот рухнул на траву и там затих, пребывая в полнейшем ошеломлении, а его противник уже заносил над ним руку для завершающего рокового удара.

— Вставай, сонный ублюдок! — взревел Макрон.

Долговязый пленник обрушил трезубец на распростертую фигуру, но этот, казалось бы, с виду неотразимый, смертонос-

ный удар в последнее мгновение был отбит резким ударом меча. Правда, трезубец все же задел меченосца, но не вошел ему в горло, и малый отделался лишь рваной царапиной на плече.

Коренастому бойцу был преподан урок, и он, надо отдать ему должное, мигом его усвоил — стремительно откатился в сторону и оказался на ногах, в боевой стойке. Пренебрежения к противнику не осталось и в помине. Верзила, в свою очередь, вырвал трезубец из земли и выставил перед собой. Лицо его искажилось от ярости. Обоим бойцам теперь было не до бравады.

— Ну, давай! — крикнул Макрон. — Выпусти ублюдку кишки!

Катон, в отличие от своего командира, стеснялся выражать чувства криками, но, хотя юноша и недолюбливал забавы подобного рода, пальцы его от волнения непроизвольно стиснулись в кулаки. И он, конечно же, желал успеха тому, на кого поставил.

Меченосец стремительно сместился в сторону, явно проверяя реакцию противника, а заодно и пробуя выяснить, не был ли недавний успех того результатом случайного везения. Но спустя долю мгновения трезубец вновь угрожал его горлу. Зрители разразились одобрительными возгласами. Поединок обещал быть интересным, чего мало кто ждал.

Внезапно боец с трезубцем совершил обманный маневр, но последовавший за этим выпад не достиг цели. Противник, сохраняя защитную стойку, молниеносно отпрыгнул.

— Хороший отскок! — воскликнул Макрон, стукнув кулаком по ладони. — Славные бойцы, оба. Будь в их войске таких побольше, пожалуй, это нам бы сейчас пришлось драться друг с другом им на потеху. Хороши, очень хороши!

— Да, командир, — напряженно отозвался Катон, не сводя глаз с кружившей под лучами яркого солнца по зеленой, запятнанной кровью траве пары.

В окружавшей лощину дубраве с неуместной при таких обстоятельствах беззаботностью щебетали птицы. На какой-

то момент Катон и сам ощутил резкий диссонанс между грубыми выкриками солдат, призывавших двух бриттов к убийству, и безмятежной гармонией природы. В Риме он относился к гладиаторским боям с неодобрением, но сейчас зрелище захватило его, не говоря уж о том, что выразить вслух неодобрение в обществе привычных к крови и смерти солдат означало выказать себя презренным неженкой и слабаком.

Несколько раз оружие противников со звоном и лязгом сталкивалось, но ни один удар не приносил результатов, и они снова принимались кружить по траве. Очень скоро зрителям это надоело, послышались раздраженные крики, и распорядитель, откликаясь на настроение толпы, подал знак находившимся позади бойцов людям, державшим в руках раскаленные на концах до свечения металлические пруты, предназначенные для того, чтобы добавлять слишком вялым гладиаторам прыти. Верзила с трезубцем с высоты своего роста первым углядел человека с прутом за спиной меченосца и, видимо смекнув, чем это может обернуться, устремился в яростную атаку. Он сменил тактику и теперь не целил в горло, а бил с размаху по мечу, норовя обезоружить противника. Тот отражал все удары, действуя попеременно то мечом, то щитом, однако долговязый бритт теснил его к краю арены, прямо на раскаленные металлические пруты.

— Давай! — заорал охваченный возбуждением Катон, потрясая сжатым кулаком. — Дожимай его!

Воздух разорвал пронзительный крик. Пятясь, коренастый боец натолкнулся спиной на раскаленное железо и, непроизвольно подавшись вперед, сам напоролся на трезубец. Один из зубцов вонзился ему в бедро, вырвав кусок плоти и оставив зияющую рану. Кровь потекла по ноге, орошая траву. Но, даже будучи раненым, меченосец сумел быстро сместиться в сторону, уклонившись и от раскаленного стрекала, и от очередного тычка трезубцем. Он отскочил на безопасное расстояние, но легионеры, поставившие на него деньги, неистово завопили, требуя, чтобы тот не уклонялся и отступал, пока со-

всем не ослабнет от потери крови, а использовал имеющуюся еще у него возможность атаковать, чтобы сойтись с долговязым бриттом вплотную. Тогда длина древка трезубца превратилась бы из преимущества в недостаток.

Катон увидел, что на лице бойца с трезубцем появилась ухмылка — время теперь работало на него. Ему только и требовалось, что держать противника на расстоянии, чтобы тот истек кровью, а потом завершить дело. Однако зрители не были настроены на ожидание и, когда долговязый боец стал пятиться от теряющего силы противника, разразились насмешками. За спиной долговязого малого тут же замаячили люди с раскаленным железом. Между тем меченосец, прекрасно понимавший, что с каждым мгновением теряет кровь, а вместе с ней и шансы выжить, отчаянно атаковал. Длина трезубца позволяла сопернику не подпускать его близко, поэтому он принялся наносить удары мечом по зубьям, надеясь оттеснить меченосца назад. Однако верзила вовсе не собирался повторять оплошность врага, благодаря которой ему удалось его ранить. Перехватив древко, он внезапно замахнулся трезубцем, целя противнику по ногам, и в то же время скользнул в сторону, подальше от пышущего жаром железа. Подсечка не удалась, поскольку коренастый боец успел подпрыгнуть, однако прыжок вышел неловким, а приземлившись, он едва не потерял равновесие и с трудом устоял на ногах.

Последовала целая серия выпадов и парирующих ударов, но от Катона не укрылось, что меченосец пошатывается и что движения его с потерей крови становятся все менее уверенными. Ему удалось отразить еще одну атаку врага, но на этом, похоже, его силы иссякли. Он медленно опустился на колени, меч в его руке колебался.

Макрон вскочил на ноги.

— Вставай! Вставай, пока тебя не пырнули в кишки!

Зрители, чувствуя, что развязка близка, повскакивали со своих мест. Многие вторили Макрону, требуя, чтобы раненый меченосец встал и продолжил борьбу.

Очередной выпад трезубца был встречен мечом, но, когда клинок попал между зубьями, долговязый боец резко крутанул древко, и меч, вывернутый из руки меченосца, отлетел на несколько локтей в сторону. Издав торжествующий клич, бывший оруженосец расставил ноги над истекающим кровью, поверженным соплеменником и занес трезубец для завершающего удара. И тут неожиданно поверженный наземь, обезоруженный человек резко вскинул щит и его ребром ударил стоявшего над ним врага в промежность. Тот с криком сложился пополам. Толпа взревела. Следующий удар щитом пришелся верзиле в лицо, он упал на траву, выпустил из рук древко трезубца и схватился за нос и глаза. Еще два удара по голове, и с ним было покончено.

— Здорово! — радостно орал Макрон. — Чудесно! Вот так схватка!

Катон печально покачал головой, кляня самонадеянность малого, на которого он поставил. Пока противник жив, нельзя считать его окончательно побежденным лишь потому, что он выглядит неспособным к сопротивлению. Ведь и сам долговязый бритт в ходе этого поединка пытался прикинуться неумелым бойцом.

Меченосец поднялся на ноги гораздо легче, чем это мог бы проделать серьезно раненный человек, и быстро подобрал с арены свой меч. После чего подарил побежденному легкую смерть, пронзив мечом его сердце.

Но в следующее мгновение на глазах Макрона, Катона и всей толпы зрителей произошло нечто необычное. Прежде чем главный распорядитель боев и его помощник успели забрать у бритта оружие, тот воздел руки и на латыни, хотя и с грубым акцентом, громко крикнул:

— Эй, римляне, полюбуйтесь!

Молниеносно повернув меч острием вниз, он перехватил рукоять двумя руками и вонзил клинок в собственную грудь. Голова бритта откинулась, он качнулся и рухнул на траву рядом с только что убитым им соперником.

Зрители онемели.

— Какого хрена он так поступил? — пробормотал Макрон.

— Может быть, он знал, что его рана смертельна?

— Откуда ему это знать, — недовольно проворчал Макрон. — Может, он бы и выжил.

— Выжил бы только затем, чтобы стать рабом. Может, как раз этого он и не хотел, командир?

— Ну и дурак.

Носитель орла, озабоченный переменной настроением в публике, поспешил выйти вперед и поднял руки.

— Ну что ж, парни, на этом все. Бои закончены. Победителем в завершающем поединке я объявляю меченосца. Пусть те, кто ставил на него, получают свой выигрыш, а затем всем предлагаю вернуться к своим обязанностям. Отдохнули, развлеклись, пора заняться и службой.

— Постой! — выкрикнул кто-то. — Это ничья! Они оба мертвы.

— Меченосец победил, — крикнул в ответ носитель орла.

— Он был смертельно ранен. И все равно истек бы кровью!

— Может, и истек бы. Но он не истек. Он прикончил парня с трезубцем, а сам умер не от той раны, что нанесли ему, а от своей руки. Мое решение окончательное. Меченосец победил — все ставившие на него выиграли, а ставившие против проиграли. Кто откажется платить проигрыш, будет иметь дело со мной. И все на этом. Хватит болтать, служба ждать не будет.

Толпа зрителей распалась и медленно потекла сквозь дубы к рядам палаток, где помощники аквилифера забросили два мертвых тела на подводу с уже лежавшими там трупами бриттов, павших в предыдущих боях. Оставив Катона маяться в ожидании, его центурион поспешил забрать свой выигрыш у знаменосца своей когорты, окруженного маленькой толпой легионеров, сжимавших в руках пронумерованные расписки. Вскоре Макрон вернулся с довольным видом и веселым позвякиванием в кошельке.

— Не самый потрясающий выигрыш в моей жизни, но все равно приятно.

— Наверное, так, командир.

— А ты что нос повесил, а? Впрочем, понятно. Поставил на заморыша с трезубцем, и плакали твои денежки. Продуло много?

Катон сказал, и Макрон присвистнул.

— Что ж, молодой Катон, похоже, ты еще не эксперт по бойцам. Тебе еще учиться и учиться.

— Так точно, командир.

— Ну да ладно, парень, со временем это придет само собой. — Макрон похлопал молодого человека по плечу. — Давай первым делом посмотрим, не продает ли тут кто вино поприличней. Промочим глотки и за работу — дел у нас выше крыши.

Стоя под сенью дубовых ветвей и глядя на расходившихся с поляны легионеров, командир Второго легиона Веспасиан мысленно клял меченосца. Легат затеял эти бои, чтобы подбодрить своих парней перед нелегкой кампанией, и схватки пленных бриттов между собой вроде бы подходили для этого как нельзя лучше. Так оно и оказалось, и все шло гладко, во всяком случае до конца последнего поединка. Настроение у людей было приподнятое, но проклятый бритт своим бессмысленным, вызывающим самоубийством все испортил. «Или, — хмуро подумал легат, — действительно вызывающим, но не таким уж бессмысленным?» Может быть, плененный, но не сломленный враг пожертвовал собой именно для того, чтобы задуманное римским военачальником мероприятие для поднятия боевого духа легионеров не достигло своей цели? Сцепив руки за спиной, Веспасиан вышел из тени на солнечный свет. Конечно, в чем, в чем, а в наличии мужества и боевого рвения этим бриттам нельзя отказать. Как и большинство воинственных варваров, они строго блюли кодекс чести, предписывавший им биться с предельной свирепостью и высокомерным презрением к смерти. Впрочем, сейчас его больше

беспокоило даже не мужество дикарей, а тот факт, что непрочную коалицию их разрозненных племен возглавил столь способный и дальновидный человек, как Каратак, вождь катувеллаунов. Не приходилось сомневаться в том, что этот дикарь припас для римской армии и ее командующего Авла Плавта немало сюрпризов, а из сегодняшнего происшествия стоило извлечь урок — противник заслуживает большего уважения, чем то, с каким к нему отнеслись поначалу. Смерть меченосца наглядно продемонстрировала, сколь безжалостной и суровой будет эта война.

Впрочем, сейчас Веспасиану следовало отложить раздумья о будущем на потом, ибо он направлялся в лазаретную палатку по делу, уже не терпевшему отлагательства. Главный центурион Второго легиона, получивший тяжкую рану от дикарей, напавших на римскую колонну на марше, умирал и хотел перед смертью поговорить со своим легатом. Бестия являлся образцовым солдатом, безупречным служакой, все долгие годы своей службы неизменно пользовавшимся благосклонностью начальства и уважением подчиненных. Он участвовал во множестве войн на всех окраинах великой империи, носил на теле бесчисленное количество шрамов, был удостоен целой прорвы наград — и вот, поди ж ты, пал от меча бритта не в великом, судьбоносном сражении, а в незначительной стычке, которая уж точно не будет упомянута ни в каких исторических книгах. «Ну что ж, — с горечью подумал Веспасиан, — такова армейская жизнь. Сколько доблестных героев остается в тени, в то время как их деяния приписывают себе честолюбивые политики и придворные прихлебатели!»

Тут он вспомнил о своем брате Сабине, резво примчавшемся сюда из Рима, чтобы занять теплое местечко при штабе Плавта, поскольку не без оснований надеялся стяжать в этом захватническом походе славу и сделать себе имя. Как и большинство его сотоварищей, подвигающихся на политическом поприще, Сабин видел в армейской службе лишь ступень для

дальнейшей карьеры. Цинизм высокой политики наполнял Веспасиана холодной яростью и гневом. Скорее всего, и само это вторжение было затеяно императором Клавдием лишь ради укрепления своего шаткого положения на римском троне. Если посланные им легионы сумеют покорить бриттов, он получит добычу и новые владения, а стало быть, и возможность увеличить число распределяемых им синекур. Что позволит ему дополнительно смазать скрипучие оси и вихляющие колеса государственной колесницы. Некоторые его прихвостни сделают состояния, другие получают высокие посты, а в ненасытную утробу имперской казны потекут деньги. Новое торжество непобедимого Рима станет для его граждан еще одним доказательством благоволения богов к Римской империи и ее венценосцу. Правда, многие склонны видеть великое только в том, что обеспечивает их личный успех.

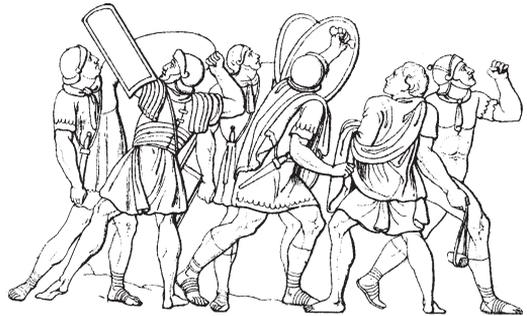
Но, с другой стороны, приход легионов открывал перед этим диким, населенным воинственными варварскими племенами островом возможность рано или поздно обрести истинный порядок и процветание, даруемые всем народам благодетельным правлением Рима. Расширение пределов цивилизованного мира стоило того, чтобы за него сражаться, и именно такое понимание своего назначения оправдывало в глазах Веспасиана необходимость (до поры до времени, разумеется) терпеть над собой тех, кто имел больше власти, чем он, не будучи ее достойными. Так или иначе, сейчас первоочередной задачей являлось победоносное завершение начатой кампании, а чтобы завершить ее, надлежало, преодолевая яростное сопротивление туземцев, форсировать две полноводные реки. Там, за ними, находилась столица катувеллаунов, самого большого и сильного из племен, противостоящих здесь Риму.

Этот воинственный народ, проводя безжалостную экспансию, поглотил племя триноватов и включил в свои владения их главный город Камулодунум, весьма зажиточный и торговый. С одной стороны, то был крупный успех, но с другой — многие племена теперь взирали на катувеллаунов почти с

тем же ужасом, что и на римлян. Чтобы показать колеблющимся, что легионы сильнее, и склонить их к признанию власти Рима, желательно захватить Камулодунум еще до осени. Это упрочит положение завоевателей, хотя, разумеется, еще не обеспечит окончательной победы. На то, чтобы весь этот огромный остров стал подлинной провинцией великой империи, потребуются годы походов и битв. Но если римлянам не удастся взять Камулодунум, все может обернуться похуже. Не исключено, что Каратак сумеет склонить колеблющихся на свою сторону и собрать войско столь многочисленное, что оно сможет взять верх над армией Рима. С усталым вздохом Веспасиан поднырнул под клапан палатки и в знак приветствия кивнул главному лекарю легиона.

ГЛАВА 2

— Бестия умер, — объявил Макрон, войдя в палатку.

Ливень, глухо барабанивший по козлиной шкуре, заглушил слова центуриона, и Катон, оторвав глаза от своей писанины, переспросил:

— Командир?

— Я сказал, что Бестия умер, — крикнул Макрон. — Умер сегодня после полудня.

Катон кивнул. Новость была печальной, но вполне ожидаемой. Лицо главного центуриона было буквально рассечено пополам. Врачи сделали все возможное, чтобы облегчить его страдания, но спасти заслуженного воина не смогли. Потеря крови, раздробленные кости и занесенная инфекция сделали его смерть неизбежной. Надо сказать, что в первое мгновение Катон ощутил едва ли не радость, ведь именно Бестия превратил первые месяцы его службы в сущий кошмар. Создавалось впечатление, что, муштруя прибывших в легион новобранцев, центурион получал особое наслаждение, издеваясь над «столичным хлюпиком» и созерцая его бессильную ярость.

Макрон отстегнул застежку своего чуть ли не насквозь промокшего плаща и кинул его на

спинку походного складного стула, который придвинул к жаровне. Пар, исходивший от одеяний, сушившихся на других стульях, поднимался оранжевыми струйками вверх и наполнял палатку туманом, которого тут и так было более чем достаточно. «Если нескончаемый дождь — это лучшее, что может предложить британское лето, — тоскливо подумал Макрон, — стоит ли вообще драться за этот остров?» Бритты-изгнанники, сопровождавшие легионы, утверждали, будто их сырая страна чуть ли не прогибается от богатейших залежей драгоценных металлов, прекрасных пахотных земель и сочных пастбищ, но, вспомнив об этом, Макрон лишь пожал плечами. Кто их знает, может, они и не врут, но у них имеются свои причины желать, чтобы Рим восторжествовал над их соплеменниками. Ибо по большей части к римлянам прибывались вожди, которых катувеллауны лишили владений и власти и которые надеялись, что в награду за помощь завоевателя вернут им и то и другое.

— Интересно, — промолвил Макрон, уже вслух размышляя, — кто теперь займет место Бестии? Хотелось бы знать, кого Веспасиан прочит в главные центурионы.

— А может, тебя, командир?

— Это вряд ли, парень! — фыркнул Макрон.

Его совсем еще зеленый юнец-оптион прослужил во Втором легионе слишком мало, чтобы представлять себе порядок продвижения по службе.

— Я вообще не участвую в этом забеге. Легат будет выбирать из центурионов первой когорты — самых лучших и самых заслуженных командиров нашего легиона. Необходимо иметь за плечами немало лет безупречной службы на командной должности, чтобы твою кандидатуру хотя бы представили к рассмотрению для перевода в первую когорту. Мне, по моему разумению, еще долго оставаться на своем месте — во главе шестой центурии четвертой когорты. А вот центурионам первой, бьюсь об заклад, сегодня придется поволноваться. Не каждый день выпадает шанс сделаться главным центурионом.

— А разве они не будут печалиться о Бестии? Ведь он был одним из них.

— Наверное, будут, но одно другому не мешает, — пожал плечами Макрон. — Такова война: любой из нас может оказаться на переправе через Стикс. Просто на сей раз выпал черед Бестии. А в общем-то, он немало успел взять от жизни. Еще пара лет, и ему все равно пришлось бы потихоньку сходить с ума от тоски в какой-нибудь ветеранской колонии. Так что если уж кому-то так и так следовало погибнуть, так лучше ему, чем молодому воину с далеко идущими планами, надеждами и амбициями, у которых есть шансы осуществиться. А так появляются вакантные центурионские должности и открываются возможности для продвижения.

При этой мысли Макрон улыбнулся. Сам он пребывал в должности центуриона всего-то на несколько недель дольше, чем Катон на военной службе, и до недавнего времени по старшинству производства являлся младшим центурионом Второго. Однако в последних стычках с бриттами двое центурионов четвертой когорты сложили головы, что сразу подняло его на две ступени, сделав четвертым по старшинству. Кого бы ни назначили на освободившиеся командные должности, Макрон автоматически имел перед новоиспеченными центурионами неоспоримое преимущество.

Он поднял голову и ухмыльнулся Катону.

— Если эта кампания затянется на несколько лет, глядишь, даже ты сможешь выбиться в центурионы.

Катон улыбнулся, сочтя это не более чем шуткой. Все шансы были за то, что остров покорят куда раньше, чем высшее командование сочтет его достаточно зрелым и опытным воином для назначения командиром центурии. В конце концов, ему было всего лишь семнадцать лет, а должность центуриона не для зеленых юнцов. Если когда-то он и получит ее, то этого придется ждать годы.

Юноша вздохнул и протянул восковую табличку, с которой работал.

— Отчет о численности боеспособного личного состава, командир.

Макрон отмахнулся от таблички. Сам он и читал, и писал с трудом, а потому предпочитал не делать ни того ни другого, всецело переложив письменную работу на плечи своего оптика, благо тот получил прекрасное столичное образование, и командир твердо верил, что со всяческой писаниной в шестой центурии теперь полный порядок.

— Ну, что там?

— Шестеро наших легионеров в полевом лазарете, и двое из них вряд ли выживут. А еще троих, хотя жизни их и вне опасности, по словам главного хирурга, придется уволить со службы. Сегодня пополудни их необходимо доставить к побережью. К концу текущего года они должны вернуться в Рим.

— И что тогда? — Макрон печально покачал головой. — Жалкое пособие, на которое не прокормиться, и перспектива до конца дней просить милостыню на улицах. Право же, не та жизнь, за которую стоит цепляться.

Катон кивнул. В детстве он видел увечных ветеранов, выпрашивавших подавание в грязных нишах форума. Для лишившихся здоровья людей это было единственной возможностью выжить, и, возможно, смерть и вправду была бы для многих из них лучшим выходом.

Катон неожиданно представил себя в роли убогого калеки и невольно поежился. У него не было семьи, так что в случае беды ему не приходилось рассчитывать на чью-либо помощь. Единственным человеком вне армии, которому он, может быть, не был безразличен, являлась Лавиния, но сейчас она вместе с другими рабынями и рабами из свиты матроны Флавии, супруги командира Второго, находилась на пути в Рим. Однако на нее рассчитывать нечего. Не говоря уж о том, что Лавиния не распорядилась собой, Катон не слишком наделся на то, что такая красавица сможет любить калеку. И будет ли ему легче, если она останется с ним из жалости или из ложного понятого чувства долга? Макрон уловил перемену в настро-

ении молодого человека и сам подивился тому, насколько он чуток к переживаниям паренька. Все оптоны, каких он знал до сих пор, были заурядными солдатами, чуть получше или чуть похуже, но Катон — совсем другое дело. Смышленный малый, грамотей и вместе с тем храбрый и находчивый воин, уже успевший проявить себя в деле. Другой на его месте нос бы задира, а этот не высовывается. Надо думать, этот паренек далеко пойдет, если, конечно, проживет достаточно долго, чтобы успеть продвинуться. По правде сказать, Катон вызывал у своего командира смешанные чувства, он удивлял его, порой забавлял, а порой и восхищал.

— Не вешай нос. С тобой все обойдется. Раз уж тебе повезло остаться в живых, оказавшись в самом горниле еще зеленым новобранцем, значит, тебе на роду написана долгая жизнь. Не унывай!

— Есть не унывать, командир, — тихо отозвался Катон, прекрасно понимая, что это лишь слова утешения. Смерть не щадит никого, даже таких, как Бестия, — опытных, негибаемых и умелых бойцов.

— Итак, на чем мы остановились?

Катон посмотрел вниз на восковую табличку.

— Еще один раненый с резаной раной бедра быстро идет на поправку. Он в лазарете, но через несколько дней встанет на ноги. Кроме того, у нас четверо ходячих раненых — эти все скоро вернуться в строй. Но на данный момент полностью боеспособными можно считать лишь пятьдесят восемь легионеров.

— Пятьдесят восемь, — хмуро повторил за ним Макрон. Бритты изрядно потрепали шестую центурию. На остров высаживались все восемьдесят бойцов, а теперь, спустя несколько дней, потеряно уже восемнадцать.

— Замены планируются, командир?

— Чтобы кем-то кого-либо заменять, надо доставить резервы из Галлии. Чтобы организовать переправу людей через пролив из Гесориакума, потребуется как минимум неделя.

Так что пополнение мы получим не ранее чем после следующего сражения.

— Следующего сражения? — Катон выпрямился. — Какого сражения, командир?

— Не дрейфь, парень, это еще не самое худшее, — усмехнулся Макрон. — Легат собирал командиров и сообщил, что он получил весточку от командующего. Похоже, нам предстоит переправа через реку. Славную, большую, широкую реку. А на том берегу нас, ясное дело, будет ждать Каратак со своим войском... колесницами и всем прочим.

— А далеко ли это отсюда, командир?

— В одном дневном переходе. Судя по всему, Авл Плавт не собирается отираться возле реки. Он начнет переправу, как только мы подойдем.

— Но как же мы до них доберемся, до этих бриттов? — спросил Катон. — Я имею в виду, как мы переберемся за реку? Есть ли там мост?

— Неужто ты думаешь, что бритты оставили бы там мост, если бы он и существовал? Специально для нас, чтобы облегчить нам переправу? — Макрон устало покачал головой. — Нет, мостом там и не пахнет, а как нам перебираться, на сей счет командованию еще предстоит поломать голову.

— Думаешь, Плавт бросит нас форсировать реку первыми?

— Сомневаюсь. Бритты нас основательно потрепали, и люди еще не оправились. Ты наверняка сам это чувствуешь.

Катон кивнул, ибо в последние дни в легионе действительно ощущался упадок боевого духа. Более того, ему довелось слышать шушуканье, в котором вина за все тяжкие потери, понесенные легионом с момента высадки на британскую почву, безоговорочно возлагалась на одного лишь легата. То, что Веспасиан сражался с противником в передних рядах бок о бок с простыми солдатами, для большинства легионеров, особенно тех, которые лично не были свидетелями явленной им отваги, значения не имело. Да и вообще, между легионерами и командирами, младшими командирами и старшими, короче говоря, между всеми и всеми накопилось множество обид и

претензий, что, в свете предстоящих боев с бриттами, внушало серьезные опасения.

— Лучше бы нам выиграть это сражение, — тихо промолвил Макрон.

— Да, командир.

Оба помолчали, глядя на мерцающие язычки пламени в жаровне. Потом желудок центуриона забурчал, да так громко, что это тут же вернуло его мысли на более прозаическую стезю.

— Я страшно проголодался. Есть у нас что-нибудь?

— Там, на столе, командир.

Катон жестом указал на темную буханку хлеба и ломоть засоленной свинины в оловянной миске. Маленький кувшин с разбавленным водой вином стоял возле мятой серебряной кружки, трофея, добытого Макроном в одной из предыдущих кампаний. Бросив взгляд на свинину, центурион нахмурился:

— Что, свежего мяса так и не дают?

— Нет, командир. Каратак уничтожает все на пути нашего следования. Разведчики говорят, что до самой реки Тамесис все поля и амбары сожжены, а домашний скот варвары угнали с собой. Нам достается лишь то, что поступает с продовольственных складов Рутупия.

— Мне уже обрыдла эта хренова солонина! Бьюсь об заклад, Пизон бы в два счета разжился свежатинкой!

— Так точно, командир, — с обидой в голосе отозвался Катон.

Пизон, бывший писец центурии, был старым служакой, знавшим все ходы и выходы, так что подразделению жилось при нем очень неплохо. Увы, несколько дней назад старик ветеран, которому оставался всего год до почтенного увольнения с полным пособием, пал от руки первого же бритта, который ему повстречался. Катон многому успел у него научиться, но некоторые тонкие секреты умения извлекать выгоду из слабюток в работе военно-бюрократического аппарата умерли вместе с ним, личные связи оборвались, и теперь юноше приходилось выкручиваться самому.

— Я попробую, командир, может, что и раздобуду.

— Попробуй, попробуй, — кивнул Макрон, пережевывая жесткую солонину. — И лучше поскорее, не то я, ошалев от этой свинины, брошу службу и перейду в еврейскую веру. Все лучше, чем грызть такую дрянь. Хрен их поймет, этих интендантских ублюдков: как они превращают свиное мясо в подметки? Впрочем, им что ни дай, все изведут на дерьмо.

Катон слышал все это и раньше, а потому продолжил разбирать записи. Большинство погибших легионеров оставили завещания — как общего плана, так и о передаче своего лагерного скарба кому-либо из друзей. Однако некоторые из указанных наследников тоже погибли, и Катону приходилось теперь разбираться, кому следует эту выморочную собственность передать. Семьи погибших, не оставивших завещаний, имели право получить из казны легиона их сбережения, но только по письменному запросу и после соблюдения множества процедур. Катон впервые столкнулся с вопросами наследования и, поскольку дело касалось имущества, вникал во все очень тщательно. Ему отнюдь не хотелось, чтобы какая-нибудь оплошность повлекла за собой судебную тяжбу, направленную против него. Поэтому он дотошно прочитывал документы, проверял и перепроверял бумаги каждого человека по очереди, прежде чем окунуть свое стило в маленькую керамическую чернильницу и написать заключение относительно принадлежности выморочного добра.

Клапан палатки со свистом распахнулся, и внутрь торопливо вошел штабной писец. С его насквозь промокшего армейского плаща стекала вода.

— Эй, не забрызгай мои бумаги! — крикнул Катон, прикрывая свитки, грудями лежавшие на его рабочем столе.

— Прости. — Штабной писец отступил к входу.

— И какого хрена тебе нужно? — спросил Макрон, откусив кусок черного хлеба.

— Послание от легата, командир. Он хочет видеть тебя и твоего опциона в своей палатке. При первой удобной возможности.

Катон улыбнулся. Подобное пожелание, высказанное старшим начальником, льстило самолюбию нижних чинов, но по существу означало приказ прибыть немедленно. Аккуратно сложив документы и убедившись, что кожаный тент над его столом не протекает, Катон встал и снял висевший перед жаровой плащ. Он был еще тяжелым от влаги и, когда опцион накинул его на плечи и застегнул фибулу, стал липнуть к тунике, однако пропитанная жиром шерстяная ткань приятно согрела тело.

Макрон, все еще жующий, тоже натянул плащ и раздраженно махнул штабному писцу:

— Вали отсюда. Мы и без тебя дорогу найдем.

Писец, завистливо покосившись на жаровню, накинул на голову капюшон и, пятясь, выбрался из палатки. Макрон засунул в рот последний шмат свинины, поманил пальцем Катона и с набитым ртом буркнул:

— Пошли.

Струи дождя хлестали поблескивающие ряды палаток, заполняя водой все углубления неровной почвы. Макрон поднял глаза на затянутое темными тучами вечернее небо и приметил сверкавшие далеко на юге молнии. Там всюю бушевала гроза. Дождь заструился по его лицу, и он мотнул головой, чтобы отбросить упавшую на лоб промокшую прядь.

— Что за гнусная погода на этом острове!

Катон рассмеялся:

— Если верить Страбону, боюсь, она не улучшится, командир.

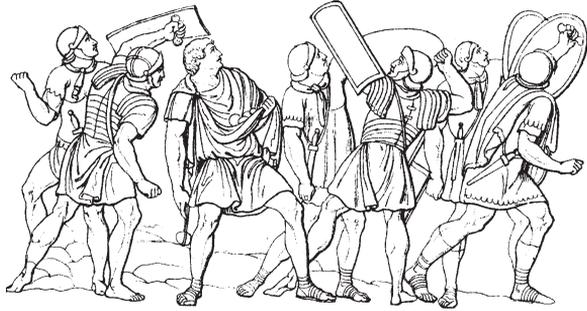
Ссылка вызвала у Макрона гримасу.

— Ты что, не мог просто согласиться со мной, а? Обязательно надо было помянуть какого-нибудь долбаного ученого?

— Прошу прощения, командир.

— Ладно. Пошли посмотрим, чего хочет от нас Веспасиан.

ГЛАВА 3

— Вольно, — приказал Веспасиан.

Макрон и Катон, стоявшие в шаге от письменного стола по стойке «мирно», расслабились. Но не слишком, ибо были потрясены, увидев, как вымотан их легат. Когда он оторвал взгляд от заваленного свитками стола, первое, что бросилось им в глаза при свете верхних масляных ламп, — это глубокие морщины на лбу и выражение безмерной усталости.

Веспасиан оглядел прибывших, не зная, с чего начать.

Несколько дней назад центурион, оптион и небольшой отряд специально отобранных людей отбыли из расположения легиона с секретным заданием. Им было поручено забрать сундук с казной, вынужденно утопленный Юлием Цезарем в болоте близ побережья почти сто лет назад. Старший трибун Второго легиона, холеный патриций Вителлий, решил сам прибрать к рукам эти сокровища и во главе банды наемных сирийских лучников напал среди топей в тумане на людей Макрона. Центурион, однако, не спасовал, и благодаря его отваге и умелым действиям затея Вителлия провалилась, а сам

он бежал. Однако фортуна, похоже, благоволила к трибуну: во время бегства он увидел обходившую Второй легион с фланга колонну бриттов и успел вовремя предупредить об опасности командование соседнего легиона. В результате бритты потерпели поражение. А Вителлий сумел выставить себя героем. Настоящим героям, знавшим об измене пронырливого трибуна, пришлось с отвращением выслушивать похвалы и рукоплескания в его адрес.

— Боюсь, что я не смогу выдвинуть против трибуна Вителлия никаких обвинений, — заявил Веспасиан. — Ваших показаний для этого недостаточно.

Макрон ощетинился, едва сдерживая ярость.

— Центурион, я знаю таких людей, как он. Ты говоришь, что трибун пытался перебить твоих людей и завладеть сундуком с казной. Это задание было секретным, совершенно секретным. Полагаю, о содержимом сундука знали только я, ты, присутствующий здесь молодой человек и, конечно, Вителлий. Даже если сейчас сундук опечатан, снабжен надежной охраной и находится на пути в Рим, чем меньше народу знает о его существовании, тем лучше. Император заинтересован в сохранении тайны, и никто не поблагодарит нас за предание ее огласке — а ведь предъявлять обвинения Вителлию придется публично, в суде. Кроме того, не знаю, осведомлен ты на этот счет или нет, его отец — близкий друг императора. Нужно мне говорить что-то еще?

Макрон поджал губы и покачал головой.

Веспасиан выдержал паузу, чтобы центурион и опцион основательно уяснили суть его слов. Его самого не радовало, что Вителлий вышел сухим из воды, но тут ничего нельзя было поделать. Помимо сказанного у легата имелись и другие основания не давать хода обвинению, но такие, какими он ни за что и ни с кем бы не поделился. Помимо обязанностей старшего трибуна Вителлий нес также тайную службу, являясь шпионом и соглядатаем самого императора, подотчетным главному императорскому секретарю Нарциссу. Узнай Нар-

цисс, что Вителлий пытался провести его, дни трибуна были бы сочтены. Но Вителлий сумел позаботиться о том, чтобы Нарцисс никогда этого не узнал. Во всяком случае, от Веспасиана.

Собирая сведения о степени преданности как старших, так и младших чинов Второго легиона императору, Вителлий выяснил, что супруга легата, Флавия Домитилла, причастна к заговору, имевшему целью свержение императора.

На какое-то время Вителлий и Веспасиан оказались в зависимости друг от друга. Каждый располагал информацией, губительной для другого, если она дойдет до ушей Нарцисса, и поэтому обоим было предпочтительнее держать языки за зубами.

Спохватившись, что он уже некоторое время с отсутствующим видом смотрит на подчиненных, Веспасиан торопливо сменил тему, заговорив о непосредственной причине, по которой к нему были вызваны Макрон и Катон.

— Центурион, у меня есть нечто, что должно тебя обрадовать.

Потянувшись к краю стола, Веспасиан взял маленький пакет, завернутый в шелковую ткань, бережно развернул шелк и извлек крученое золотое ожерелье. Мимолетно остановив на нем взгляд, легат поднял украшение, чтобы его можно было лучше рассмотреть в тусклом свете масляных ламп, и спросил:

— Узнаешь эту вещицу, центурион?

Макрон покачал головой:

— Прошу прощения, командир, но...

— Ну что ж, это неудивительно. Когда ты мог видеть эту вещь, тебе, надо думать, было не до побрякушек. У бриттов такое ожерелье является отличительным знаком вождя. Оно принадлежало некоему Тогодумну, к счастью, уже покойному.

Макрон рассмеялся, неожиданно вспомнив, что это ожерелье и впрямь облегало шею огромного бритта, убитого им несколько дней назад.